
doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.044-054
УДК 902(5-191.2)

В.Л. Денисенко

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
E-mail: valerialeontyevna@yandex.ru*

Погребальный обряд индо-скифов и кушан на территории Северной Индии

Статья посвящена анализу погребального обряда индо-скифов и кушан на территории Северной Индии на основе опубликованных данных. Цель данного исследования проследить постепенную ассимиляцию выходцев из кочевого общества Центральной Азии с оседлым населением Северной Индии, отраженную в погребальном обряде. На сегодняшний день культурное взаимодействие народов Центральной Азии и Северной Индии в эпоху раннего железного века остается малоизученной темой. Одной из основных проблем является крайняя малочисленность публикаций по погребальным памятникам, соотносимых с индо-скифами и кушанами на территории Северной Индии. Также важной проблемой является отсутствие данных о свойственной центральноазиатским кочевникам обрядности – курганным захоронениям. На данный момент известны только индо-буддийские погребальные памятники индо-скифов и кушан на территории Северной Индии. При этом погребальные практики являются одним из самых важных показателей степени взаимодействия различных народов. Основным методом исследования является комплексный подход, предполагающий привлечение данных других наук – эпиграфических, нумизматических и исторических. Хронологические рамки исследования – с I в. до н.э., когда саки появились на территории Северной Индии и основали Индо-скифское царство – по IV в. н.э., когда произошло падение Кушанской империи. На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с различным сопроводительным инвентарем. Ваннапурн Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ в этот период, отражающие постепенную ассимиляцию центральноазиатских народов в местную среду. Выявлено, что на первых двух этапах в ступах часто встречаются отдельные кости или целые скелеты, а также, начиная с индо-скифского периода, в ступы с другими реликвиями стали класть монеты. Начиная с третьего этапа, в ступах обнаруживают только реликварии с прахом. Решение одного из главных вопросов – насколько широко среди индо-скифов и кушан был распространен этот обряд, охватывал ли он все слои местного общества или только элиту – остается открытым.

Ключевые слова: ранний железный век, Северная Индия, погребальный обряд, индо-скифы, кушаны.

V.L. Denisenko

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia
E-mail: valerialeontyevna@yandex.ru*

Funeral Rite of the Indo-Scythians and Kushans on the Territory of Northern India

The article is devoted to the analysis of the funeral rite of the Indo-Scythians and Kushans on the territory of Northern India, based on published data. The purpose of this study is to trace the gradual assimilation of immigrants from the nomadic society of Central Asia with the settled population of Northern India, reflected in the funeral rite. To the present day, the cultural interaction of the peoples of Central Asia and Northern India in the era of the Early Iron Age remains a little-studied topic. One of the main problems is the extreme lack of publications on funerary monuments correlated with the Indo-Scythians and Kushans in Northern India. Another important problem is the lack of data on the ritual characteristic of Central Asian nomads – burial mounds. At the moment, only Indo-Buddhist funerary monuments of the Indo-Scythians and Kushans in Northern India are known. At the same time, funeral practices are one of the most important indicators of the degree of interaction between different peoples. The main method of research is an integrated approach involving the use of data from other fields of knowledge – epigraphic, numismatic and historical. The chronological framework of the study is from the I century BC, when the Saks appeared on the territory of Northern India and founded the Indo-Scythian kingdom – to the IV century AD, when the Kushan Empire fell. On the territory of Northern India, the Indo-Scythians and Kushans adopted the funerary traditions of the local Indo-Buddhist population – the burning of the dead and placing their ashes in special stupas with various accompanying equipment. Wannapurn Rienjang identifies four stages in the practice of using stupas in the period from the I century BC – IV century AD, reflecting the gradual assimilation of Central Asian peoples into the local environment. It was revealed that at the first two stages individual bones or whole skeletons are often found in stupas, and also, starting from the Indo-Scythian period, coins began to be placed in stupas with other relics. Starting from the third stage, only reliquaries with ashes are found in stupas. The solution of one of the main questions – how widely was this rite spread among the Indo-Scythians and Kushans, whether it covered all layers of local society or only the elite – remains open.

Keywords: *early Iron Age, Northern India, funeral rite, Indo-Scythians, Kushans.*

Введение

Индо-скифы и кушаны – центральноазиатские народы, последовательно основывавшие на территории Северной Индии свои царства. В I в. до н.э. на данную территорию мигрировали племена памирских саков [Литвинский, 1972, с. 174–186; Пьянков, 2013, с. 520; Dani, 1989, p. 119]. Под властью Мауэса, основавшего Индо-скифское царство, и Азеса они постепенно оккупировали провинции в долине Инда, которыми правили индо-греки со времен Менандра. Индо-скифы унаследовали и продолжали использовать созданные индо-греками политические институты и культуру [Puri, 1994, p. 202]. Индо-скифское царство на протяжении своего существования в плане границ было аморфно, так как при каждой династии границы менялись вследствие активных военно-политических процессов на данной территории. До миграции на территорию Северной Индии погребальный обряд памирских саков (впоследствии именуемых индо-скифами) был традиционен для представителей центральноазиатских кочевников. Это были курганы с небольшой каменной насыпью, стенки которых иногда укрепляли деревом или перекрывали каменными плитами. Могильная яма овальной или подпрямо-

угольной формы имела глубину 0,5–1 м от дневной поверхности. Погребенного клали на дно ямы, иногда с травяной подстилкой и разнообразным сопроводительным инвентарем [Литвинский, 1972, с. 7–28; Бернштам, 1956, с. 127–128].

В I в. н.э. Кушанская империя начинает свое существование при правлении Куджулы Кадфиза. Данный период характеризуется политическим объединением части Центральной и Южной Азии в рамках одного обширного государства, сместив при этом Индо-скифское царство на южные территории. Будучи полиэтничным народом кушаны использовали различную погребальную обрядность. К примеру, в Бактрии со времен прибытия юэчжей был распространен курганный погребальный обряд, свойственный всем центральноазиатским кочевникам, а также зороастрийский, вероятно, использовавшийся автохтонным населением Бактрии [Мандельштам, 1975, с. 39; Ртвеладзе, 2019, с. 113]. Это одна из уникальных черт кушан – полиэтничность и толерантность. Данный факт наглядно иллюстрирует чеканка, т.к. на монетах представлены божества из различных религий и вероисповеданий.

Однозначно, что изменения в погребальной практике саков – индо-скифов и юэчжей-кушан, одна часть которых мигрировала в Бактрию, а другая – на территорию Северного Индостана, происходили постепенно. Это является одной из основных проблем, что на данный момент известны только индо-буддийские погребальные памятники, соотносимые с индо-скифами и кушанами на территории Северной Индии. Например, курганные погребения были обнаружены в XIX в. в горных долинах Северного Пакистана, на миграционном маршруте центральноазиатских кочевников. К сожалению, вследствие того что они не исследованы, невозможно установить их культурную принадлежность и дату создания [Dani, 1998, p. 159].

В связи с этим, в нашем исследовании мы будем руководствоваться источниками по индо-буддийской погребальной практике, посвященными тем или иным аспектам захоронениям в ступах. Ступе уделялось значительное внимание зарубежных ученых, а ее архитектурные, художественные и символические аспекты подробно обсуждались [Hawkes, 2009; Dallapiccola, 1980]. Грегори Шопен, Ваннапурн Риенджанг возглавили растущую группу ученых по исследованию реликвариев, хранящихся в ступах, и ритуалах, которые их окружали [Shopen, 1997; Rienjang, 2013; 2018].

Важным источником настоящей работы послужила глава Джулии Шау «Буддийские и небуддийские погребальные традиции в Древней Индии: прошлое, реликвии и археологический ландшафт» из коллективной монографии под редакцией Колина Ренфрю [Shaw, 2015]. К отдельным аспектам индо-скифской и кушанской погребальной обрядности, распространенной на территории северной части Индостана, обращались Е. Эррингтон., Д. Джонгевард, Р. Саломон, Х. Бэккер. Стоит отметить, что информация почти обо всех месторасположениях буддийских ступ в северной части Индостана, часть из которых принадлежала индо-скифам и кушанам, была получена из записей исследователей девятнадцатого века: Чарльза Массона (1800–1853), Джеймса Джерарда (1795–1835) и лейтенанта Роберта Пигу (1816–1841) [Errington, 1987, p. 210; 2017].

Результаты исследования

Одни из самых распространенных буддийских сооружений – это ступы, ряд из которых относится к погребальным сооружениям, типологически восходящие к могильным курганам [Буддизм, 1992, с. 104; Hawkes, 2009, р. 43]. Первые ступы в Индии относятся ко времени правления царя Ашоки, который построил их для погребения останков Будды [Dallapiccola, 1980, р. 21]. Согласно описанию в «Махадпариниббана сутре», когда Будду спросили, что делать с его останками, он сказал, что для начала его тело необходимо обернуть множеством слоев ткани и затем кремировать, после чего прах поместить в ступу. Точно так же следует обращаться с умершими учениками [Harvey, 1984, р. 68].

Относительно рассмотрения погребальной практики необходимо отметить конструкцию ступы, которая, как и свойственно архитектурным сооружениям, со временем изменялась. Первоначально ступы возводили в форме полусферы на круглом основании, а с индо-скифского периода – на квадратном. Благодаря проведенным исследованиям Д. Фаченны архитектурных особенностей ступ, наряду с анализом стратиграфических слоев и нумизматических находок, была создана первая хронологическая колонка для памятников от эпохи Маурьев до кушанской эпохи в долине Сват. На рисунке показана первоначальная форма Великой ступы из Буткары, Пакистан, созданная в эпоху Маурьев, и ее дальнейшие четыре этапа реконструкции (рис. 1).

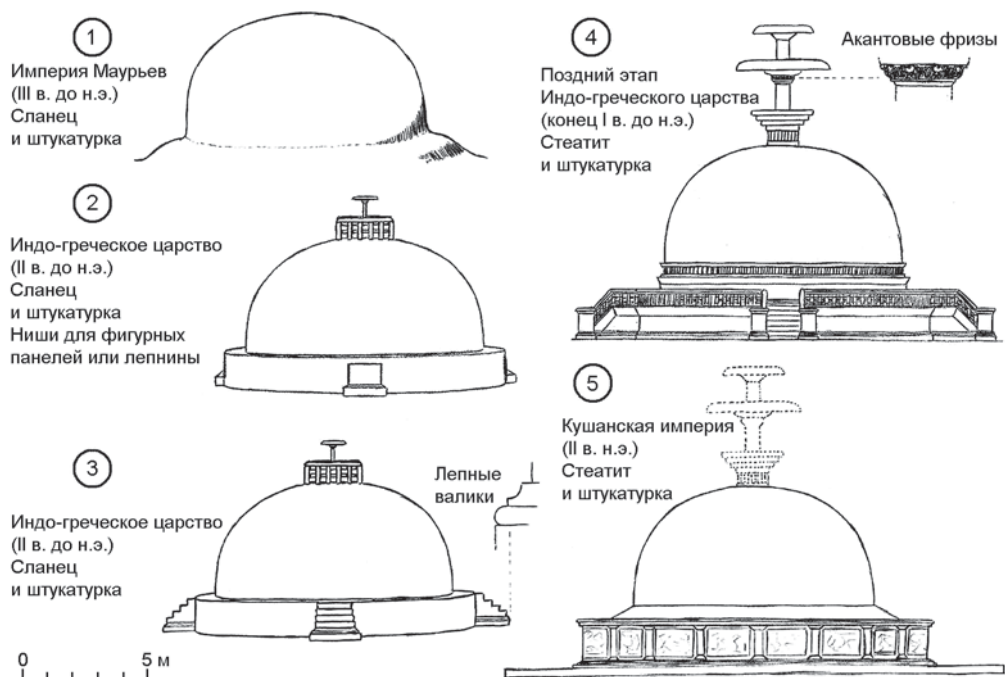

Рис. 1. Первоначальная форма Великой ступы из Буткары, Пакистан, созданная в эпоху Маурьев, и ее дальнейшие четыре этапа реконструкции. (по: [Faccenna, 1962, Pl. 12]).

В ступы помещали реликварий с прахом и другие реликвии, сверху увенчивали декоративными «зонтами» и обносили оградой с четырьмя воротами [Болганова, 2004, с. 5]. Часто реликварии с прахом повторяют форму ступы, также необходимо добавить, что ступы, особенно большие, перестраивались и продолжали служить по назначению долгое время после их основания [Marco, 1987, p. 230]. Таким образом, индо-буддийский погребальный обряд подразумевает не избавление от телесных останков, а скорее создание реликвий. Согласно буддийской традиции, реликвии – это не «просто» пепел, а преобразующие субстанции, подобные драгоценным камням [Strong, 2007, p. 45]. Перед помещением в ступу их помещают в реликварий, часто вместе с другими «реликвиями использования», такими как фрагменты ткани, драгоценные камни и монеты. Реликвии представляют собой «сущность» или «жизненную силу» умершего человека, что отчасти объединяет их с курганными погребальными комплексами [Shaw, 2015, p. 390].

Позднее ступы возводили на месте сожжения или в честь важных буддийских событий [Смирнов, 1997, с. 152]. Иногда в ступы замуровывались не пепел, а само тело умершего, который был мумифицирован с помощью соли или прожаривания в масле [Schopen, 1997, p. 39]. Например, на территории Северной Индии во время раскопок было обнаружено несколько ступ, содержащих целые скелеты. В Шахри-Бахлоле Х. В. Беллью исследовал ступу, в которой находился полный скелет [Bellew, 1864, p. 137]. Э. Эррингтон объясняет этот феномен как «погребальные обряды какой-то другой религии, включенные в буддийские погребальные комплексы» [Errington, 1987, p. 121].

Однозначно, что определенная часть саков/индо-скифов, юэчжей/кушан приняла новую погребальную практику. Начиная с индо-скифов, жертвования в ступах стали включать в себя монеты – феномен, который ранее не использовался в индо-буддийской погребальной обрядности, но обнаруженный в Бактрии. В своем исследовании всех реликвариев и ступ из восточного Афганистана исследователи обнаружили, что треть включала монеты [Jongeward, Errington, Salomon, 2012, p. 130]. Эта практика, вероятно, началась с индо-скифского периода и продолжалась даже после эпохи кушан [Errington, 1998, p. 80].

В. Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ в период с I в. до н.э. – IV в. н.э. [Rienjang, 2018, p. 97–98]. Первый этап – индо-скифский, когда телесные останки были обнаружены в виде фрагментов костей, а в нескольких случаях – пепла. Предметы, сопровождавшие погребенного, были представлены в основном бусами из различных материалов, включая драгоценные камни, жемчуг и слоновую кость. Тщательно продуманное расположение реликвий подтверждается их размещением внутри одного или двух реликвариев, изготовленных из драгоценных металлов (золота, серебра, меди) [Rienjang, 2018, p. 27]. Уникальным является серебряный реликварий с навершием в виде козерога и несколькими надписями на кхароштки и гандхари (рис. 2). Благодаря надписям известно, что он принадлежал индо-скифскому царю Хараосте, чьи монеты были найдены в Матхуре. Впоследствии он пере-

Рис. 2. Серебряный буддийский реликварий с надписями на кхароштки и гандхари, на вершине которого находится фигура козерога (кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.). (по: <http://www.miho.or.jp/en/collection/s037/>).

шел во владение, возможно, в качестве подарка верному вассалу, Апраку Индраварману [Salomon, 1996, p. 433].

Второй этап – время правления первых двух кушанских царей, Куджулы Кадфиза и Вимы Такто (40–113 гг. н.э.). В целом практика использования ступ на данном этапе развивались таким же образом, как и на первом. Реликвии часто помещались в один или несколько реликвариев вместе с такими предметами, как различного вида украшения и монеты [Ibid]. По-прежнему фиксируется большое число фрагментов скелета в заполнении ступ. Две ступы в районе Дарунта, раскопанные Ч. Массоном, дают интересные данные о буддийских погребальных обрядах данного этапа. В центре ступы 7 была обнаружена большая камера, в которой находился скелет без черепа [Errington, 1998, p. 79], многочисленные фрагменты извести и лепных статуй Будды, львов и слонов. В ступе 2 полный череп был помещен выше реликвария из стеатита (рис.3). В ступе находились десять хрустальных бус, пепел, цветные камни, золотой брелок в форме шриуатса (индийская эмблема удачи) и пять небольших золотых шкатулок с фрагментами костей, а также шесть бронзовых монет с легендой Soter Megas, которые относятся к кушанскому царю Виме Такто [Errington, 1998, p. 81].

Третий этап охватывает период правления трех кушанских царей, Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки (113–190 гг. н.э.). На данном этапе наблюдается наибольшее разнообразие сопроводитель-

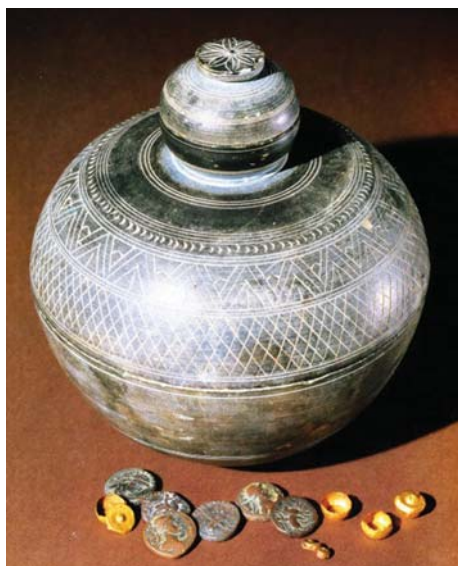

Рис. 3. Стеатитовый реликварий, амулет в форме шриуатсы, шесть бронзовых монет Soter Megas - Вимы Такто (ок. 90–113 гг. н.э.). Ступа 2 в Пассани, округ Дарунта, Юго-Восточный Афганистан. (по:[Errington, 1998, Fig.49]).

ного инвентаря, найденного в ступах. Телесные останки обнаружены в основном в виде пепла, помещенного в реликварии. Монеты этих трех кушанских правителей были найдены в ступах на большой территории северной части Индостана [Rienjang, p. 98]. Это указывает на то, что индо-буддийская погребальная практика на данной территории была широко распространена в периоды правления этих трех правителей. Ступы на Джелалабадской равнине и в окрестностях Кабула и Вардака кажутся немного более поздними по типу, чем памятники Дарунта, при этом наибольшее их количество датируется временами Хувишки (ок. 126–163 гг. н.э.). Одна из важных находок была сделана в районе Вардак в одной из ступ Кохват – бронзовый реликварий ныне известный как «Вардакская ваза» (высота 17 см). В ней находились разные реликвии и шестьдесят шесть медных монет, выпусков великих кушанских царей – Вима Кадфиза, Канишки и Хувишки (рис.4). На нижней части изделия на кхароштки написано название буддийской общины, ответственной за строительство ступы – Махасангхика. Это одна из самых ранних буддийских сект, которые были наиболее могущественными в Матхуре и южнее в Индии, и чьи доктрины, по-видимому, повлияли на развитие движения махаяны [Магсо, 1987, р. 218].

Четвертый этап охватывает период преемника Хувишки, Васудевы I (ок. 190–227 гг. н.э.), и поздних кушанских царей (ок. 230–350 гг. н.э.). Именно в этот период произошли явные изменения в практике использования ступ. Количество

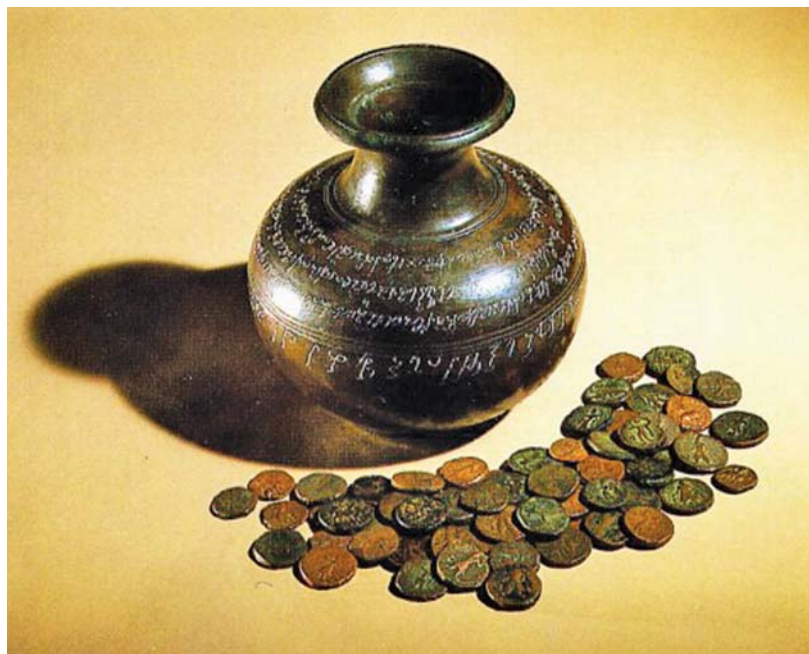

Рис. 4. Бронзовый реликварий «Вардакская ваза» с надписью в честь кушанского царя Хувишки (ок. 126–163 гг. н.э.). Шестьдесят шесть бронзовых кушанских выпусков «Вима Кадфиза», «Канишка I» и «Хувишки». Ступа 1 из Вардака, юго-восток Кабула, Афганистан. (по: [Errington, 1998, Fig.53]).

сопроводительного инвентаря уменьшилось по сравнению с предшествующими периодами. Эта бедность проявляется в отсутствии различного рода реликвий, только монеты [Rienjang, 2018, p. 98].

Вывод

На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с другими реликвиями. В. Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ (I в. до н.э. – IV в. н.э.), которые наглядно иллюстрируют постепенную ассимиляцию центральноазиатских народов в местную среду. Выявлено, что начиная с первого этапа – индо-скифского периода правления (75 г. до н.э. – 40 г. н.э.), в ступы с другими реликвиями стали класть монеты. Также на первых двух этапах (75 г. до н.э. – 113 г. н.э.) в ступах часто встречаются отдельные кости или целые скелеты. Данная особенность демонстрирует привычную для выходцев из кочевого общества практику захоронения – погребение человека в кургане. Начиная с третьего этапа (113–190 гг. н.э.), в ступах обнаруживаются только прах в реликвариях. Вероятно, на данном этапе произошло полное растворение кушан в местную индо-буддийскую среду. Также на данный этап, при правлении Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки, приходится расцвет Кушанского царства, что находит отражение и в наибольшем разнообразии сопроводительного инвентаря, найденного в ступах. Четвертый этап (ок. 190–350 гг. н.э.) отражает упадок Кушанского царства. Уменьшилось количество сопроводительного инвентаря, более того, редко встречаются реликварии с прахом, только монеты с мелким номиналом.

Рассмотренные в ходе статьи погребения в ступах, вероятно, относятся к элитным, так как содержат большое количество статусных вещей. Вследствие этого на данный момент нельзя утверждать, был ли распространен данный погребальный обряд на все слои населения индо-скифов и кушан. В этой связи важно отметить, что индо-скифские и кушанские захоронения в курганных могильниках, характерные для Бактрии, не известны в Северной Индии, даже на таком значительном археологическом комплексе как Таксила [Ray, 2005, p. 184]. Однако, буддийские ступы – это вид памятного сооружения, восходящего к могильным курганам. Таким образом, трансформация погребального обряда центральноазиатских народов происходила плавно, постепенно подстраиваясь под местный погребальный обряд.

Как мы уже отметили, погребальные практики упомянутых народов трансформировались под культурным влиянием индо-буддийского населения. Тем не менее нельзя не согласиться, что погребальные памятники являются устойчивой традицией определенной культурной общности, поэтому должны были остаться следы прежней погребальной практики, возможно, они просто не изучены. В этой связи одним из перспективных направлений дальнейших исследований является открытие новых источников, в том числе и погребальных памятников.

Несомненно, что больше материалов, демонстрирующих связь с Центральной Азией, появится, когда будут раскопаны курганы, обнаруженные в XIX в. в горных долинах Северного Пакистана.

Список литературы

Буддизм: словарь / Л.Л. Абаева, В.П. Андросов, Э.П. Бакаева и др. – М.: Республика, 1992. – 287 с.

Бернштам А.Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – № 1. – С. 121–134.

Болганова М.С. Архитектура буддийских памятников Средней Азии // SAN'AT. – Ташкент, 2004. – № 2. – С. 4–7.

Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1975. – Т. VII. – 228 с.

Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. – СПб: Петербургское лингвистическое об-во, 2013. – 736 с.

Ртвеладзе Э.В. Кушанское царство. Династии, государство, народ, язык, письменность, религии. // Историческая библиотека. – Ташкент, 2019. – 133 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. – М.: Восточная лит-ра РАН, 1997. – 279 с.

Bellew H.W. A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map. – Lahore: Government central press, 1864. – 265 p.

Dani A.H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // J. of Central Asia, 1998. – Vol. 21. – N 1. – P.158–170.

Dani A.H. History of Northern Areas of Pakistan. – Islamabad, 1989. – 532 p.

Dallapiccola A.L. The Stupa: Its religious, historical and architectural significance. – Wiesbaden: Steiner, 1980. – 359 p.

Errington E. Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan. Explorations, Excavations, Collections 1832–1835. – London: British Museum Press, 2017. – 250 p.

Errington E. Gandhara Stupa Deposits // Arts of Asia, 1998. – Vol. 28. – N 2. – P. 80–87.

Errington E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī // School of Oriental and African Studies. – London, 1987. – P. 210–214.

Faccenna D. Reports on the Campaigns 1956-1958 in Swāt (Pakistan). Mingora: Site of Butkara I: Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swāt, Pakistan). – Rome, 1962. – 361 p.

Harvey P. The Symbolism of the Early Stupa // The Journal of the International Association of Buddhist Studies, 1984. – Vol. 7. – N 2. – P. 67–93.

Hawkes J. Buddhist Stupas in South Asia: Recent Archaeological, Art-Historical, and Historical Perspectives. – New Delhi: Oxford University Press, 2009. – 346 p.

Jongeward D., Errington E., Salomon R. Reliquaries in the British Museum // Gandharan Buddhist Reliquaries. – Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. – 320 p.

Marco de G. The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence // East and West, 1987. – Vol. 37 – N 4. – P. 191–246.

Puri B.N. The Sakas and the Indo-Parthians // HCCA, Vol. II. – Quetingy, UNESCO Publ., 1994. – P. 192–207.

Ray S. Scythian elements in early Indian art. Dis. Ph.D. University of Calcutta, 2005. – 266 p.

Rienjang W. The chronology of stūpa relic practice in Afghanistan and Dharmarājikā, Pakistan, and its implication for the rise in popularity of image cult // Problems of Chronology in Gandhāran Art, Proceedings of the First International Workshop of the Gandhāra Connections Project, University of Oxford, 23rd – 24th March, 2017. – Oxford, Archaeopress Archaeology, 2018. – P. 93–101.

Rienjang W. Bodily relics in Gandharan stupas // Gandharan Studies, 2013. – Vol. 7. – P. 1–10.

Schopen G. *Bones, Stones, and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India.* – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. – 298 p.

Salomon R. An inscribed silver Buddhist reliquary of the time of king Kharosta and prince Indravarman // *JAOS*, 1996. – Vol. 116. – P. 418–452.

Shaw J. *Buddhist and Non-Buddhist Mortuary Traditions in Ancient India: Stūpas, Relics, and the Archaeological Landscape* // C. Renfrew, M. Boyd, & I. Morley (Eds.). *Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World: Death Shall Have No Dominion.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. – P. 382–403.

Strong J. The Buddha's funeral, in *The Buddhist Dead: Practices, Discourses, Representations.* Honolulu: University of Hawaii Press. – 2007. – P. 32–59.

References

Bellew H.W. *A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map.* – Lahore: Government central press, 1864. 265 p.

Bernshtram A.N. *Saki Pamira* // *VDI*, 1956. N 1. P. 121–134. (In Russ.).

Bolganova M.S. *Arkhitektura buddiiskikh pamyatnikov Srednei Azii* // *SAN'AT*. Tashkent, 2004. N 2. P. 4–7. (In Russ.).

Buddizm: *Slovar'* / L.L. Abaeva., V.P. Androsova, E.P. Bakaeva et al. M.: Respublika, 1992. 287 p. (In Russ.).

Dallapiccola A.L. *The Stupa: Its religious, historical and architectural significance.* – Wiesbaden: Steiner, 1980, 359 p.

Dani A.H. *History of Northern Areas of Pakistan.* – Islamabad, 1989, 532 p.

Dani A.H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // *Journal of Central Asia*, 1998. – Vol. 21. N 1. P. 158–170.

Errington E. Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan. Explorations, Excavations, Collections 1832-1835. – London: British Museum Press, 2017, 250 p.

Errington E. Gandhara Stupa Deposits // *Arts of Asia*, 1998. – Vol. 28. N 2. P. 80–87.

Errington E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī // *School of Oriental and African Studies.* – London, 1987. P. 210–214.

Facenna D. Reports on the Campaigns 1956–1958 in Swāt (Pakistan). Mingora: Site of Butkara I: Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swāt, Pakistan). – Rome, 1962. 361 p.

Harvey P. The Symbolism of the Early Stupa // *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 1984. Vol. 7. N 2. P. 67–93.

Hawkes J. *Buddhist Stupas in South Asia: Recent Archaeological, Art-Historical, and Historical Perspectives.* – New Delhi: Oxford University Press, 2009. 346 p.

Jongeward D., Errington E., Salomon R. *Reliquaries in the British Museum* // *Gandharan Buddhist Reliquaries.* – Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. 320 p.

Litvinskii B.A. *Drevnie kochevniki "Kryshi mira".* M.: Nauka, 1972. 274 p. (In Russ.).

Mandel'shtam A.M. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoi Baktrii.* L.: 1975. Vol. VII. 228 p. (In Russ.).

Marco de G. The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence // *East and West*, 1987. Vol. 37. N 4. P. 191–246.

P'yankov I.V. *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti.* – SPb: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2013. 736 p. (In Russ.).

Puri B.N. The Sakas and the Indo-Parthians // *HCCA*, Vol. II. – Quetingy, UNESCO Publ., 1994. P. 192–207.

Ray S. Scythian elements in early Indian art. Dis. Ph.D. University of Calcutta, 2005. 266 p.

Rienjang W. Bodily relics in Gandharan stupas // *Gandharan Studies*, 2013. Vol. 7. P. 1–10.

Rienjang W. The chronology of stūpa relic practice in Afghanistan and Dharmarājikā, Pakistan, and its implication for the rise in popularity of image cult // *Problems of Chronology in Gandhāran Art, Proceedings of the First International Workshop of the Gandhāra Connections Project*, University of Oxford, 23rd – 24th March, 2017. – Oxford, Archaeopress Archaeology, 2018. P. 93–101.

Rtveladze E.V. Kushanskoe tsarstvo. Dinastii, gosudrstvo, narod, yazyk, pis'mennost', religii. Istoricheskaya biblioteka, Tashkent, 2019. 133 p. (In Russ.).

Salomon R. An inscribed silver Buddhist reliquary of the time of king kharosta and prince Indravarman // *JAOS*, 1996. Vol. 116. P. 418–452.

Schopen G. Bones, Stones, and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. 298 p.

Shaw J. Buddhist and Non-Buddhist Mortuary Traditions in Ancient India: Stūpas, Relics, and the Archaeological Landscape // C. Renfrew, M. Boyd, & I. Morley (Eds.). *Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World: Death Shall Have No Dominion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. P. 382–403.

Smirnov Yu.A. Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. M.: Vostochnaya literatura RAS, 1997. 279 p. (In Russ.).

Strong J. The Buddha's funeral, in *The Buddhist Dead: Practices, Discourses, Representations*. Honolulu: University of Hawaii Press. – 2007. P. 32–59.

Денисенко В.Л. <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>